

Aleksander Kiklewicz

О

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/1, 167-179

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МНОГОЗНАЧНОСТИ (2)¹

On communicative-pragmatic aspects of polysemy (2)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая семантика, полисемия, метафора, прагмалингвистика и социалингвистика, функциональная лингвистика, лексикография, толковые словари

KEYWORDS: lexical semantics, polysemy, metaphor, pragmalinguistics and sociopragmatics, functional linguistics, lexicography / dictionaries, semantic compilation, metaphor-remini-scences

ABSTRACT: The subject of the present article deals with semantic derivation processes, i.e. with modification of the lexical units' meaning which determines their polysemy (metaphor or metonymy). The author presents theoretical basis for the study of polysemy taking into account the conditions of communicative, pragmatic and anthropological context of the activities of social groups of various formats. In doing so the author's reasoning is based on linguistic literature on the theory and methodology of language, as well as in the field of lexical semantics. The author pays particular attention to the semantic compilation in the modern lexicography, and describes the phenomenon of metaphor-remini-scences.

«Мало воздуха!..» Полисемия и значение говорящего

И. К. Архипов приводит в своей статье (2011, 454) пример из книги мемуаров «Чито-грито» кинорежиссера Георгия Данелия (описываются старания съемочной группы найти затонувший в реке подъемный кран):

- (1) Послали в Херсон за водолазом. Водолаз не хотел ехать. У него напарник заболел, а без напарника он не работает. Ему сказали, что у нас народ толковый, все сделают, что надо и как надо, и пообещали хорошо заплатить. Уговорили.

Воздух водолазу по шлангам подавали через какой-то допотопный аппарат, с ручкой как у колодца. Связь по радио. Слышим, водолаз сказал:
– Мало воздуха.

---

¹ Первая часть статьи опубликована в предыдущем номере журнала: *Przeгляд Wschodnio-europejski* 2014, V/2.

Стали крутить ручку быстрее. Из-под воды раздался нервный голос: Мало воздуха! Мало воздуха! Крутим еще быстрее. Истеричный крик: «Вы что там, оглохли?! Мало воздуха говорю!!! Мало воздуха!!!» Все, включая меня, накинудись на колесо и давай крутить так, что чуть дым не пошел.

И тут всплывает водолаз в очень раздутом скафандре, не головой вверх, как положено, а плашмя. Подтянули мы его к плоту и отвинтили шлем. Оттуда со свистом пошел воздух и одновременно мат – хороший, морской, минут на пятнадцать! Оказывается, команда «мало воздуха» означает, что надо качать меньше воздуха.

В данном случае мы имеем дело с асимметрией систем языкового кодирования информации представителями разных социальных групп. Водолаз выбрал штатную (профессиолектную) фразу как команду удерживать низкий (*малый*) уровень подачи воздуха, тогда как, по словам Архипова, «на другом конце связи оказался коммуникант, имевший лишь общие, конвенциональные знания о том, что *мало* означает ‘немного и/или недостаточно’» (2011, 458). Это пример, как думается, убедительно показывает, что семантическая реализация знака варьируется в зависимости от социального контекста речевой деятельности, и подобно тому, как социолингвисты описывают функционально обусловленные варианты языковых форм, предметом исследования должна стать вариантность в области языковой семантики. Насколько далеко современное языкознание от решения этой задачи, я покажу на примере теории концептуальных метафор.

Одним из главных постулатов теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона является постулат универсальности метафор: метафорический способ номинации признается всеобщим, охватывающим все сферы языковой деятельности (Lakoff/Johnson 1980, 185сл.). Действительно, в основе большинства лексических названий лежат разного рода процессы семантической производности – семантические проекции, как их называют когнитивисты. В то же время очевиден факт, что живые, неконвенциональные метафоры представлены в функциональных стилях по-разному: наиболее часто они встречаются в текстах художественного и риторического стиля, относительно редко – в текстах научного, официально-делового и особенно разговорного стиля. Так, трудно себе представить употребление глаголов, обозначающих световые состояния атмосферы, в значении глаголов речи, тем более, что глаголы первого типа – непереходные, а глаголы второго типа – косвенно-переходные. Однако в поэтическом тексте такое возможно – ср. отрывок из стихотворения Анатолия Передревева:

- (2) Он уходит в туманность и млечность,
Он мигает сигнальным огнем,
Что его в этот час бесконечность
Проглотила в пространстве своем.

Глагол *мигает* употреблен здесь в значении *verbum dicendi* ‘сообщает, информирует’ и непосредственно подчиняет придаточное предложение с союзом *что*.

Когнитивисты увлечены описанием разного рода метафорических проекций (типа ЧУВСТВО – ЭТО ЖИДКОСТЬ В КОНТЕЙНЕРЕ), которые интерпретируются в глобальном аспекте: им приписывается не только статус языковых категорий, но и статус алгоритмов когнитивной переработки информации (о моделирующей функции метафор см.: Ross 1993, 38). В действительности же экспликации когнитивистов основаны на языковых фактах, имеющих ограниченную сферу бытования, т.е. стилистически и социо-культурно маркированных. Так, Ю. С. Степанов (1997, 304) полемизировал с А. Б. Пеньковским, который на материале русского языка описал метафорические модели концепта *радость*, реализуемые в конструкциях с глагольными предикатами *рождается, растет, живет, просыпается, затихает, умолкает* и т.п. (1991; 2004). Степанов справедливо указывал, что область функционирования этих метафор ограничена рамками книжного стиля, поэтому для утверждения об их универсальном, а также ментальном характере нет оснований. Подобным же образом можно усомниться и в универсальном характере «вещных коннотаций» абстрактных существительных *авторитет, страх, горе* и *радость*, о которых пишет В. А. Успенский (1979/1997). Хотя о концептуальных метафорах типа ГОРЕ – ЭТО ТЯЖЕЛАЯ ЖИДКОСТЬ московский ученый пишет, что они имеют «достаточно распространенный характер» (1997, 151), совершенно очевидно, что они опираются на языковые выражения *испить горя, хлебнуть горя*, относящиеся к книжному стилю, а значит, трудно признать их статус общих когнитивных моделей, программирующих речевое поведение.

Надо заметить, что абстрактные существительные часто выступают в составе аналитических предикатов:

- (3) составить отчет
- (4) привести в движение
- (5) оказать помощь
- (6) дать разъяснения
- (7) провести регистрацию
- (8) пребывать в неведении
- (9) поставить вопрос
- (10) принять решение

На основании подобных языковых выражений когнитивисты строят метафорические модели: ДЕЙСТВИЕ – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ; СОСТОЯНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО и т.п. Трудно согласиться с общим, прескриптивным характером этих «моделей», поскольку все они опираются на конструкции, которые преимущественно бытуют в текстах научного и официально-делового стиля.

Р. И. Розина (2003, 68 ссл.) исследовала метафорическую номинацию синтаксем в конструкциях с каузативными глаголами с литературном языке и сленге. Оказалось, что, во-первых, в сленге метафорическая номинация более распространена: она охватывает более половины существительных. Во-вторых, в сленге преимущественно выступает метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – ЭТО ПРЕДМЕТ, например, реализуемая в таких конструкциях, как *бомбить пассажиров*. В литературном языке в большей степени представлены альтернативные метафоры, ср.:

- (11) носик чайника < ПРЕДМЕТ – ЭТО ЧЕЛОВЕК
- (12) железные нервы <ЧЕЛОВЕК – ЭТО ПРЕДМЕТ

Когнитивно-культурный фактор функционирования метафоры заключается в том, что метафорическая проекция базируется на общем для участников информационного обмена тезаурусе – базе знаний (подробнее см.: Киклевич 2007, 40 ссл.). Так, М. Лизенберг критикует Дж. Лакоффа/М. Джонсона за то, что они рассматривают в качестве источника информации об исходной домене непосредственное сенсорное восприятие субъекта, тогда как в действительности существуют культурные «фильтры» ментальной категоризации (Leezenberg 2001, 142). Так, совершенно очевидно, что в научных и технических дискурсах (например, в хронометрии), применяются точные, специализированные системы измерения и указания времени, тогда как в обыденной коммуникации с этой целью широко употребляются метафоры, в основе которых лежит пространственное значение. Так, только разговорной речи (на это имеется указание в толковых словарях) свойственно употребление местоимения *там* в темпоральном значении (разговорная речь иногда имитируется в текстах других стилей, например, журналистском), ср.:

- (13) Там видно будет, что делать.
- (14) Решайся, а там посмотрим.
- (15) Герасимов – художник, у которого надо смотреть все, а там принимать или не принимать («Литературная газета»; 29 VIII 1984).

Разговорный характер имеет также метафорическое употребление глагола *пойти* в фазовом значении: ‘начать делать что-н., начать осуществляться’, ср.:

- (16) Опять пошла кружить поземка.
- (17) Как пойдёт рассказывать – не остановишь.
- (18) На что ни погляжу – пойдёт сыреть да гнить (Новелла Матвеева).

Разумеется, существуют и этнические особенности метафорической номинации. Так, у Хорхе Луиса Борхеса можно прочесть, что «арабские фигуры речи строятся вокруг отношений между отцом и сыном» (2000, 333); имея в виду эту культурную обусловленность метафоры, Борхес писал: «Метафора, как и последующее сравнение, – не исходная составная часть словесности, а поздняя ее находка» (там же, 334).

Эту сторону метафорической номинации в когнитивной семантике отражает постулат потребности (англ. *necessity hypothesis*), согласно которому объяснительная функция метафор наиболее отчетливо проявляется при номинации абстрактных категорий, которые не поддаются прямому чувственному восприятию и идентифицируются благодаря проекции на них свойств конкретных понятий. Такой порядок в структуре метафорической модели отражает стремление субъекта к конкретизации языковой информации, хотя в основе метафорической номинации лежит более общий принцип: в качестве исходного используется признак, который находится в фокусе интереса субъекта, т.е. имеет особый, прецедентный статус в его познавательной системе (см. подробнее: Киклевич 2013, 182 ссл.). Понятно, что чаще всего (особенно это касается разговорных дискурсов) в фокусе интереса находятся понятия и представления о ближайшем окружении человека, в частности, о его теле. Однако приоритеты ментальной репрезентации формируются в рамках человеческой деятельности, поэтому каждая культурная среда обуславливает свою собственную шкалу прецедентности. Например, специфическим явлением в тюрских языках является то, что в качестве прецедентных предметов, используемых в процессе метафорической номинации, часто выступают конь или копые, что мало характерно для славянских языков. В туркменском языке семантический признак <небольшое расстояние> выражается фразеологизмом *атгайтарымйер*, первичное значение которого – ‘расстояние возвращения коня’; в хакасском языке для выражения признака <маленькое, минимальное расстояние> употребляется слово *iriq* с буквальным значением ‘расстояние между задними ногами лошади’ (примеры из работы: Благова 1999).

Культурный контекст (сфера деятельности, в частности, профессиональной) иногда обуславливает весьма специфические вторичные номинации, основанные на узкоспециальных прецедентных понятиях. С таким явлением мы имеем дело в случае приведенного ниже фрагмента частной переписки известного композитора и профессора химии А. П. Бородина (источником данного примера послужил журнал «Химия и жизнь»):

- (19) Ну, любезнейший дружище, если бы можно было краснеть письменно, то я покраснел бы подобно мочевой кислоте, когда ее обрабатывают HNO_3 и потом NH_3 .

К этому кругу явлений относятся разного рода научные пародии, например, «Квантовая теория танца» Я. И. Френкеля, или же лингвистические афоризмы поэта и профессора филологии Юрия Казарина (из книги «Пловец»):

- (20) Снегопад падает в форме множественного числа.
(21) Смерть – это когда понимаешь все, а сказать некому.
(22) Писатель – говорящий и слушающий в одном лице.
(23) Ложась на землю и превращаясь в поле, снег переходит из множественного в единственное число. Грамматика погоды.
(24) Государство мое поменяло пол: был Союз, а стала Россия.

Огромное влияние, которое социо-культурный и прагматический контекст оказывает на процесс метафорической номинации, особенно отчетливо проявляется в том, что во многих случаях вторичное значение слова вытесняет его основное, исходное значение и выдвигается на первый план. Если воспользоваться терминами Дж. Сёрля (1990, 314 ссл.), эту ситуацию можно представить так: «значение говорящего» полностью подчиняет себе «значение сообщения». А это означает, что знак теряет свою первичную (основанную на дословном значении) референтную функцию и становится знаком-символом, при этом этот символический статус знак приобретает именно в определенном пра г м а т и ч е с к о м к о н т е к с т е. Сёрль пишет о важнейшем условии адекватной интерпретации метафорических выражений: «осведомленности об условиях произнесения высказывания и владении общими с говорящим фоновыми представлениями» (там же). По его мнению, «должны быть общие стратегии (коммуникативного, социо-культурного характера. – А. К.), позволяющие слушающему распознать, что высказывание замышлялось не как буквальное» (1990, 336).

Такой характер имеют прежде всего фразеологизмы, афоризмы, крылатые слова. Они настолько оторвались от своего буквального значения, что поиск референтов, соответствующих условиям истинности,

определяемых «значением сообщения», не имеет смысла. Например, выражение:

(25) Ромашки спрятались, поникли лютики

практически не имеет бытования как референтный знак, указывающий на конкретную ситуацию внешнего мира. Трудно объяснить с точки зрения здравого смысла, почему и куда спрятались ромашки. Немногие современные носители русского языка, вероятно, представляют себе, как выглядит лютик, да и само слово *лютик* в «Частотном словаре русского языка» под ред. Л. Н. Засориной имеет минимальную частотность, т.е. отмечено только один раз. Зато это выражение хорошо известно, по крайней мере, людям среднего и старшего поколения как строка из песни Евгения Птичкина на слова Игоря Шаферана – в так называемом песенном дискурсе данное выражение имеет метафорический смысл, а именно – значение меланхолии, любовного переживания, неразделенного чувства. Кстати, в интернете можно найти и более радикальные, в том числе и перверсивные (однако же по-прежнему далекие от «значения сообщения») семантические интерпретации, например:

(26) Если женский половой орган назвать ромашкой, а мужской – лютиком, песня «Ромашки спрятались, поникли лютики...» приобретет новый смысл (<http://www.inpearls.org/comments/500600>).

Для обозначения явлений этого типа я иногда пользуюсь термином «синдром енота». Дело в том, что еноты впервые появились в Америке, в Европе же (первоначально в Германии) они были акклиматизированы позднее (Kiklewicz 2007, 392). При этом важно, что в настоящее время на европейской территории еноты распространены больше, чем на своей родине. Нечто подобное мы наблюдаем и в сфере полисемии: вторичное, модифицированное значение постепенно начинает доминировать, исходное же отодвигается на второй план, а то и вовсе исчезает. Чаще «синдром енота» наблюдается на примере сентенциальных метафор (по определению Дж. Миллера, см.: 1990, 267), но это явление встречается и в области предикативных метафор. Например, существительное *столовая* со значением 'комната в квартире, в доме с обеденным столом, где едят и пьют' является производным от прилагательного (ср. *столовая комната*), однако в современном русском языке именно производная форма употребляется с намного большей частотой. То же касается и некоторых глаголов, употребляемых в составе аналитических предикатов, например, *оказать*. Сегодня, по данным словаря Ожегова/Шведовой, данный глагол

в значении ‘реализовать, осуществить’ сочетается только с абстрактными существительными, ср.:

- (27) оказать помощь
- (28) оказать сопротивление
- (29) оказать влияние
- (30) оказать предпочтение
- (31) оказать доверие

Употребление с конкретными существительными, например, в конструкции

- (32) *оказать себя кем или как

словарь трактует как устаревшее, а ведь именно это употребление (как и в случае глагола *pokazać*) является исходным – на него, в частности, указывает «Словарь устаревших слов» А. И. Федорова (2012, 442):

- (33) Все лазейки, все корни, все трещинки оказывало восходящее солнце (Михаил Пришвин).

Интересно, что в современном польском языке функционируют оба значения глагола *okazać* – исходное и вторичное, при этом, однако, толковый словарь ставит именно вторичное значение на первое место (Dubisz 2008, 1221):

- (34) okazać/okazywać 1. książk. objawić/objawiać, wyrazić/wyrażać jakieś uczucia, wrażenia, dać/dawać wyraz swojej postawie wobec kogoś lub czegoś, dać/dawać dowód czegoś, np.: *okazać gniew, niepokój, przychyłność, nienawiść, wdzięczność, współczucie* itd. 2. urz. pokazać/pokazywać, przedstawić/ /przedstawiać jakiś dokument, np.: *okazać kwit, legitymację, paszport. dowód osobisty*.

Судьбу глагола *okazać* разделяют и отглагольные дериваты *rassejannyj*, *rassejannost*. Они образованы от глагола *rassejaty*, у которого несколько значений – при этом в качестве основного «Толковый словарь» С. И. Ожегова/Н. Ю. Шведовой отмечает следующее: ‘посеять, сделать посев’, например: *rassejaty semena*. Прилагательное *rassejannyj* и существительное *rassejannost* настолько отделились от этого значения глагола, что их первичное значение практически утрачено – во всяком случае в словаре Ожегова/Шведовой отмечается только одного значение прилагательного *rassejannyj*: ‘не умеющий сосредоточиться, невнимательный и несобранный’.

Метафоры-реминисценции

В заключение рассмотрим тип полисемии, возникающей в особых коммуникативных условиях, а именно – благодаря реминисценции, т.е. употреблению в сообщении элементов «чужой» речи. Благодаря М. М. Бахтину лингвисты, прежде всего представители лингвистики речи, обратили внимание на факт, что «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями» (1979, 269). Заимствование элементов «чужого» языка создает особую полифонию речевой коммуникации, при этом важно, что часто скрытые цитаты семантически переосмысливаются, в результате чего генерируются их новые значения. Особенность такой метафоры, а именно – м е т а ф о р ы - р е м и н и - с ц е н ц и и, состоит в том, что в ее содержании значительную роль играет прагматический компонент – отсылка к источнику первой номинации. Дополнительно возникает и особый э ф ф е к т а т т р а к ц и и – в его основе лежит (часто контрастное) отношение между исходным и новым контекстом функционирования знака.

В качестве примера я рассмотрю несколько метафор-реминисценций из статьи Ларисы Малоковой «Третий глаз Руматы» – о премьере фильма Алексея Германа «Трудно быть богом» («Новая газета»; 2013/46).

- (35) Германовский прием «подглядывания» [...] внутрь сочиненного им пространства доведен до максимального и радикального художественного выражения. Его фирменная натуралистичность, «х р о н и к а л ь н о с т ь» остранена сверхконцентрацией, разогретым до кипения гротеском.

Присутствие кавычек указывает на цитатный характер семантической информации, т.е. апелляцию к чужой речи. За кавычками, другими словами, скрывается сообщение: «Как сказал бы _____». Хотя автор прямо не называет источник первой номинации, читатель догадывается о нем по косвенным данным: текст написан в публицистическом стиле, представляет собой симбиоз газетной статьи, репортажа и рецензии, тогда как лексема *подглядывание* относится, пожалуй, к разговорному стилю. Значит, автор текста имел в виду значение ‘понимание, разгадывание, анализ чего-л.’, но выразил его с точки зрения неспециалиста, «обычного человека».

Существительное *хроникальность* в данном журналистском тексте, скорее, означает ‘реализм’ (вряд ли здесь идет речь о представлении событий в хронологическом порядке, чего в фильмах Германа, пожалуй,

нет), однако и здесь автор использует кавычки, а значит, отсылает к виртуальному субъекту первой номинации: «Как сказал бы кинокритик».

В предложении

- (36) Детали – те самые «иероглифы вещей», существенные для Германа вещественные доказательства памяти о том, чего не было, придают терпкость, осязаемость действию.

Здесь мы имеем дело с метафорой-реминисценцией *иероглифы вещей*, которая восходит к философии неокантианцев, а именно – к теории иероглифов. В анализируемом тексте данное выражение выступает, видимо, в значении ‘условные, неточные, наполненные субъективным значением символы’, хотя скрытая ссылка на философский дискурс придает метафорически выражаемой мысли большую убедительность.

В рассмотренном выше примере реминисценция носит экспертный характер, хотя нередки и ситуации обратные ситуации, когда метафорически переосмысливаются знаки, заимствованные от менее компетентного, но в какой-то степени более аутентичного источника. Так, в статье известного журналиста Виталия Пескова читаем:

- (37) Семейная жизнь байбаков запутанная. Годовалых детей «старики» выгоняют, но могут в той же семье прижиться такого же возраста мигранты из соседней семьи.

Существительное *старики* в форме множественного числа обозначает состарившихся родителей, родственников. В приведенном предложении оно употреблено неконвенционально – по отношению к животным, в чем можно усмотреть апелляцию к точке зрения неспециалиста:

(компетентный в области зоологии) ЖУРНАЛИСТ	подразумевает:	‘животные, родившие и вырастившие потомство’
--	----------------	---

(некомпетентный в области зоологии, носитель обыденного взгляда на мир) ЧИТАТЕЛЬ	сказал бы об этом:	<i>старики</i>
--	--------------------	----------------

Как видим, метафорическому употреблению слова в тексте сопутствует своего рода *двуголосие* – присутствие говорящего и виртуального субъекта, которого говорящий как бы приписывает себе в соавторы, хотя интерпретирует его реплики по-своему. С таким случаем мы имеем дело во фрагменте из повести Валерия Попова «Третье дыхание»:

- (38) В предбаннике я постоял, «делая лицо». Хорошо, что он есть, этот предбанник. Может, вернуться, отыграть все назад?.. Не принято это... Ну – выходи. Дед Мороз!

Во-первых, в тексте встречается закавыченное выражение *делать лицо*, которое, вероятно, восходит к театральному или косметическому дискурсу – в последнем случае оно означает макияж, ср.:

- (39) В самый день обеда Домна Осиповна с двенадцати часов затворилась в своей уборной и стала себе «д е л а т ь л и ц о». Для этого она прежде всего попритерлась несколько, а затем начала себе закопченной шпилькой выводить линии на веках; потом насурмила себе несколько брови, сгладила их и подкрасила розовой помадой свои губы. «Сделав лицо», Домна Осиповна принялась причесываться (Алексей Писемский).
- (40) Наташа была подвижна как ртуть, темпераментна и по-настоящему красива – собственной природной красотой: ей не надо было «д е л а т ь» л и ц о, как большинству моделек (Татьяна Моспан).
- (41) Я выпалась. Мне надо д е л а т ь л и ц о и готовить завтрак (Борис Левин).

В тексте Попова это выражение употребляется, однако, в ином значении: ‘сделать серьезное, соответствующее ситуации выражение лица’. В таком значении данное выражение встречается достаточно редко, например, у Венедикта Ерофеева:

- (42) Пока Гуревич чародействует со спиртом и водою, не выдерживает. Д е л а е т л и ц о. Тренькает себе по животу, как бы аккомпанируя на гитаре.

Попов, как думается, целенаправленно прибегает к приему вторичной номинации – апелляция к «чужому голосу» (а именно – к театральному дискурсу) дает ему возможность оживить текст, внести в изложение дополнительную динамику. Эту же функцию выполняет и другая реминисценция – *Выходи, Дед Мороз!* Штатная фраза из новогодних утренников здесь имеет значение: ‘проникновение в помещение для важной встречи с близким человеком’. Серьезность ситуации, в которой находится герой Попова, контрастирует с детскостью, инфантильностью изложения, что способствует созданию особого нарративного стиля.

***

В заключение следует отметить, что методология современного лингвистического эмпиризма (предшественником которой следует считать Э. Сепира) все настойчивее требует применять социолингвистические данные при описании семантики языка. «Внешняя лингвистика» и «внутренняя лингвистика», которые были разделены Ф. де Соссюром, все больше сближаются. Оказывается, что, с одной стороны, у речевой деятельности есть свои программы – за пределами системы языка (ср. понятие прагматикона у Ю. Н. Караулова); с другой стороны, лингвисты накапливают все больше и больше информации о семантике на базе прагматики, т.е. касающейся «внешней», антропологической обусловленности семантической системы. Социолингвистика сегодня уже не ограничивается описанием социальных вариантов языка, языковых контактов и многоязычия – она охватывает разные сферы речевой коммуникации, о чем свидетельствует факт, что большой раздел в лучшей польской монографии по социологии языка – С. Грабьяса, посвящен категории дискурса (Grabias 2003, 258 ссл.), а польский журнал «Studia Socjologiczne» опубликовал большую статью М. Качмарчика о социологии диалога, в которой социология рассматривается как наука о социальных системах, функционирующих благодаря коммуникации (Kaczmarczyk 2009, 39). Таким образом, лингвисты постепенно приближаются к познанию единства трех сил, обеспечивающих эффективную речевую деятельность: системы языка, объективной действительности и системы социального поведения (т.е. широко понимаемой культуры).

Литература

- Архипов, И. К. (2011), О «переносе информации» в прямом и переносном смысле. [в:] *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 453–464.
- Бахтин, М. М. (1979), *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Благова, Г. Ф. (1999), *Время и пространство: народные способы выражения в тюркских языках*, [в:] *Rocznik Slawistyczny*. LII/2, 79–92.
- Борхес, Х. Л. (2000), *Страсть к Бюэнос-Айросу. Произведения 1921–1941*. Санкт-Петербург.
- Засорина, Л. Н. (ред.), *Частотный словарь русского языка*. Москва.
- Киклевич, А. (2013), *Ветка вишни. Статьи по лингвистике*. Olsztyn.
- Миллер, Дж. (1990), *Образы и модели, уподобления и метафоры*, [в:] Арутюнова, Н. Д./Журинская, М. А. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 236–283.
- Пеньковский, А. Б. (1991), *Радость и удовольствие в представлении русского языка*, [в:] Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва, 148–155.
- Пеньковский, А. Б. (2004), *Очерки по русской семантике*. Москва.

- Розина, Р. И. (2003), Глагольная метафора в литературном языке и в сленге: таксономические замены в позиции объекта, [в:] Русский язык в научном освещении. 1, 68–84.
- Сёрль, Дж. (1990), Метафора, [в:] Арутюнова, Н. Д./Журиная, М. А. (ред.), Теория метафоры. Москва, 307–341.
- Степанов, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.
- Супрун, А. Е. (1983), Лексическая типология славянских языков. Минск.
- Успенский, В. А. (1979/1997), О вещных коннотациях абстрактных существительных, [в:] Семиотика и информатика. XI, 142–148. Переиздание: Семиотика и информатика. XXXV (Operaselecta). 146–152.
- Федоров, А. И. (2012), Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка. Москва.
- Dubisz, S. (red.) (2008), Uniwersalny słownik języka polskiego PWN. K–Y. Warszawa.
- Grabias, S. (2003), Język w zachowaniach społecznych. Lublin.
- Kaczmarek, M. (2009), Socjologia dialogu, [w:] Studia Socjologiczne. 2, 13–54.
- Kiklewicz, A. (2007), Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej. Łask.
- Lakoff, G./Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live By*. Chicago – London.
- Leezenberg, M. (2001), *Contexts of Metaphor*. Amsterdam – London – New York etc.
- Ross, D. (1993), *Metaphor, Meaning and Cognition*. New York – San Francisco – Bern etc.